

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(доклады и сообщения по арабистике)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1978

cription de l'Égypte. État moderne, vol. 2, p. 2, Paris, 1822, p. 364-365.

I3 А. ал-Джабарти, 'Аджаиб ал-асар фи-т-тараджим ва-л-ахбар. Т. I. Булак, 1879, с. 204.

I4 Там же, с. 204.

I5 Там же, с. 204.

I6 Джабарти, 'Аджаиб ал-асар, т. 2, с. 213.

I7 Raymond, Artisans, p. III. Эти суда принадлежали ему не целиком, а на паях.

I8 Niebuhr, Voyage, p. 172. Лес, железо и другие материалы доставлялись туда на верблюдах из Каира.

I9 Raymond, Artisans, p. 405.

20 Там же, с. 280.

21 Там же, с. 720.

22 Там же, с. 279.

23 Джабарти, 'Аджаиб ал-асар, т. 2, с. 213.

24 Джабарти, 'Аджаиб ал-асар, т. I, с. 176.

25 Niebuhr, Voyage, p. 109.

26 Raymond, Artisans, p. 408.

27 Там же, с. 408.

28 Volney, Voyage, p. 178.

29 Там же, с. 157.

30 Р. Барави и М. Х. Улейш, Экономическое развитие Египта в новое время, М., 1954, с. 85.

31 А. А. Рафалович, Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты, СПб., 1850, с. 22.

М. А. Родионов

"ИСТОРИЯ МАРОНИТОВ" БУТРУСА ДАУ

"История маронитов" - двухтомный труд ливанского священника Бутруса Дау (Бейрут, 1970-1972 гг.)¹ - является одним из новейших образцов маронитской историографии.

Богатая историческая традиция маронитов Ливана не только сохраняет сведения о прошлом своей общины, но также активно формирует этноконфессиональное самосознание, отождествляющее религиозные и этнические факторы.

Основные положения маронитской историографии были выдвинуты ее "отцом" Истифаном ад-Дувайхи в ХУП веке. Опираясь на некоторые более ранние сочинения, он утверждал: 1) изначальное и последовательное правоверие маронитской церкви, т.е. полное тождество ее вероучения с римско-католическими догматами, 2) происхождение маронитов Ливана от мардаитов — союзников Византии в Сирии эпохи мусульманских завоеваний.

В XIX веке, когда маронитская знать и высшее духовенство начали добиваться главенствующего положения в стране, маронитская историография (в работах Таннуса аш-Шидийака и Никулы Мурада) выдвинула новый тезис — о финикийском характере Ливана, якобы сохранявшемся и в автономном эмирате под властью эмиров-христиан.

Эти внеисторические тезисы стали ядром общинного самосознания. Любое сомнение в маронитской исторической концепции или попытка научного анализа ее элементов вызывали резкий протест консервативных кругов общины. Традиционные утверждения повторялись и защищались в работах маронитских историков XIX—XX вв. Йусуфа ад-Дибса, Йусуфа Дарйана, Булуса Кар'али, Булуса Дибса и других. Некоторые из авторов уже не ограничивались привычными доводами и подкрепляли свою аргументацию авторитетом современной науки.

Характерным примером подобного подхода служит сочинение Бутруса Дау, целиком посвященное начальному этапу истории маронитской общины от ее возникновения до УП в., или, как выражается Б.Дау, "от святого Маруна до святого Йуханны Маруна".

Время становления маронитской общины относится к одному из самых "темных" периодов ее истории, почти не сохранивших документальных свидетельств. Скудость и немногословие источников позволяют прибегать к их расширительному толкованию и построению различных гипотез, по-новому защищающих старую концепцию маронитской исторической школы.

Б.Дау часто ссылается на труды маронитских историков (чаще всего на Б.Дибса) и на работы востоковедов-католиков (Ф.Но, Г.Ламменс, Р.Жанэн и др.). Но главное отличие нашего автора от его предшественников заключается в том, что он первым в маронитской историографии широко привлек археологический материал для иллю-

страции и обоснования своих тезисов.

В "Истории маронитов" использованы публикации американской археологической экспедиции в Сирию (1899–1900 гг.) и отчеты двух экспедиций Принстонского университета (1904–1905 гг. и 1909 г.). работы У.Прентиса по греко-латинской эпиграфике и Э.Литтманна по семитическим надписям, труды Г.Батлера, Ж.Лассю, Ж.Жарри и Р.Кокэна по сирийской церковной архитектуре, исследования Ж.Чаленко и Ж.Маттерна об античных и раннехристианских поселениях северной Сирии и другие работы.

Если в первом томе "Истории маронитов" общая концепция автора формулируется в основном с опорой на письменные источники, то весь второй том посвящен иллюстрации основных положений работы преимущественно на археологическом материале. Обращаясь к сирийской церковной архитектуре, Б.Дау подчеркивает значение возвышенного места перед средней частью алтаря, называемого в Сирии греческим словом "бема" (возвышение, трибуна, судейское кресло). Бему в сирийских церквях изучали Ж.Довилье, Ж.Жарри и Р.Кокэн. Однако Б.Дау придает этой архитектурной детали исключительное значение, считая, что она присуща только маронитским храмам до ХУП в. и отличает их от образцов церковной архитектуры других толков восточного христианства. Наличие бемы у несториан Ирака Б.Дау объясняет маронитским влиянием (П,87–88). Приводя выдержки из яковитских сочинений У–XIII вв. и современные археологические данные, он утверждает, что яковиты никогда не имели бемы в храмах (П,45–63). Цитируя православные источники, автор указывает, что амвон по размерам меньше бемы и конструктивно отличается от последней, а также приводит свидетельства об уничтожении бемы в сирийских церквях, захваченных в X в. византийцами (П,65–69).

Б.Дау дает подробное описание без малого четырех десятков сирийских христианских храмов IV–VI вв., архитектурным элементом которых являлась бема. На этом основании все они причисляются к маронитскому культурному наследию. Автор обещает издать третий том "Истории маронитов", где будет рассмотрена маронитская церковная архитектура VII–XX вв. в Ливане.

Особое внимание уделено церкви святого Сим'ана и всему архитектурному комплексу Кал'ат Сим'ан. Самого Сим'ана-столпника Б.Дау считает учеником отшельника Маруна, жившего в начале V в. на горе джебел Набу (позднее джебел Сим'ан) прямо под открытым небом. Столпничество по существу рассматривается как развитие

аскезы Маруна, оформленное затем в виде особого монашеского чина. Б.Дау видит бесспорное доказательство маронитского характера Кал'ат Сим'ан в сирийской надписи, найденной близ этого места и опубликованной Э.Литтманном. Ее текст: "Наш господин, отец наш Марун" (I,262). Между тем распространенное сирийское имя Маро, или Марун (греческое Кирилл, или Кирион, т.е. "малый господин") не имело жесткой конфессиональной привязки по крайней мере до VIII в., не говоря уже о том, что в тексте мог подразумеваться отнюдь не эпоним маронитской общины.

Крестообразный план церкви святого Сим'ана стал образцом для византийской, а позже и европейской церковной архитектуры. На этом основании Б.Дау делает решительный вывод о прямом влиянии маронитской архитектуры на европейское зодчество, включая такие его шедевры, как собор XI в. в Пизе, церковь в Клони, Кентерберийский собор и, наконец, соборы святого Петра в Риме и святого Павла в Лондоне (II,362-365).

Преувеличение мирового влияния собственной культуры, видимо, неизбежно на определенной стадии развития общества. Достаточно вспомнить известное заявление современного ливанского дипломата Наджиба Дахдаха о том, что европейский материк назван ливанцами, т.к. мифическая Европа была дочерью царя Сидона.² Однако Б.Дау руководствуется не национальным, а конфессиональным чувством, способным только препятствовать консолидации ливанского народа.

Используя прилагательные "сирийский" и "маронитский" почти как синонимы, Б.Дау говорит о маронитском влиянии на армянскую, персидскую и арабскую архитектуру. Так например, прообраз мусульманского минарета наш автор видит в сооружениях сирийских столпников, а также с гордостью указывает, что формула единобожия выбивалась в Сирии по-гречески над входом в жилище задолго до ислама (I,409-410).

Для Б.Дау Марун является создателем маронитского монашеского чина, объединившего вокруг себя духовенство и паству. Сознание маронитской общности укрепилось после халкидонского вселенского собора 451 г., осудившего монофизитов, и увенчалось в Ушв. (при Луханне Маруне) единством "иерархическим, военным и национальным". На этой основе, как считает автор "Истории маронитов", и сложилась маронитская община (II,89).

Несмотря на частое обращение к научной литературе, Б.Дау следует всем основным положениям традиционной маронитской исто-

риографии. Тезис об изначальном правоверии маронитской церкви доказывается обильными цитатами из сочинений И. Дувайхи и Б. Дау. Б. Дау произвольно толкует яковитские источники, чтобы любой ценой отвести от своей общины обвинение в монофелитстве. Даже пропущенный монофелитскими идеями трактат кафартабского епископа Тумы (XI в.) принимает в изложении нашего автора вполне канонический вид. Решающим доводом в пользу маронитского правоверия для Б. Дау является тот факт, что размежевание между греко-православными и маронитами по вопросу монофелитства произошло уже после образования самостоятельного маронитского патриархата.

Тезис о мардаитском происхождении маронитов Б. Дау решает более оригинально. Он не отождествляет прямо марада сирийских хронистов с джараджима ал-Балазури и оба этнонима с маронитами. Автор "Истории маронитов" считает марада и джараджима двумя частями одного народа (иранского происхождения), причем первая из них обосновалась в Малой Азии, восприняв греческий язык и православную религию, а вторая ассимилировалась с населением Сирии, усвоив его язык и маронитскую веру. Центрами джараджима Б. Дау называет город Куркан (ал-Джурджума) и Бискинту (Ливан) (I, 302-315).

Наш автор разделяет и положение о культурно-политической преемственности Финикии и Ливана, а также о политической автономии маронитской общины. Вопреки известным фактам он пишет о том, что маронитские патриархи не нуждались в каком-либо утверждении властей, ибо духовная власть у маронитов всегда была независима от светской (I, 346).

Б. Дау дополняет концепцию маронитской историографии идеалистической теорией сложения особой маронитской нации, завершая тем самым процесс отождествления конфессиональных и этнических связей. Он пишет о том, что маронитская общность обладает всеми факторами, необходимыми для существования нации: 1) территорией, 2) народом, 3) самобытной культурой, 4) государственностью.

Территорией окончательного расселения маронитов является Ливан. Б. Дау настаивает на том, что хотя марониты не имеют этнонима и называются по своей конфессии, они представляют собой сложившийся этнос, имеющий древнюю историю и культуру. В его этногенезе принимали участие три главных элемента: 1) финикийское население Ливана, 2) арамейское население Сирии и 3) "народы моря". С V в. ученики Маруна во главе с "ливанским апостолом" Ибрахимом начали обращать в христианство маронитского толка авто-

хтонное население Ливана, потомков финикийцев, "народов моря", арамейцев и ассимилированных сирийцами джараджима иранского происхождения. В II в. из северной Сирии в Ливан прибыла большая группа маронитов, предводительствуемая Муханной Маруном, первым патриархом независимой маронитской церкви.

Под культурой Б.Дау понимает духовную жизнь, искусства и ремесла, науку и язык. Основу самобытной духовной жизни общины автор видит в религии, сформировавшей характер маронитов. Благоприятное воздействие на духовные качества сынов Маруна оказали также красоты ливанского ландшафта. Говоря об искусствах, ремеслах и науке у маронитов, Б.Дау упоминает архитектуру, литые колоколы, переводческую деятельность и другие занятия маронитов. Автор называет языком общины сирийский, на котором в ливанских горах говорили до VIII в., а кое-где даже до XIX в. Б.Дау замечает, что этот язык можно сохранить и сейчас, используя его для составления разного рода документов - открытых и секретных (I, 404-405).

Последний фактор существования нации - государственность - Б.Дау усматривает в том, что он называет "независимостью Ливана от образования общины маронитов-мардаитов с II в. от рождения Христа до наших дней", причем подчеркивается, что светская власть маронитов всегда подчинялась патриарху. Автор оговаривает то обстоятельство, что независимость Ливана - дело рук не только маронитов, но и "наших братьев" друзей и представителей других конфессиональных общин страны (I, 405). Б.Дау отмечает, что отношения маронитов и арабов-мусульман отличаются дружбой и взаимопочтением, независимостью и сотрудничеством. Он пишет: "Дружба и сотрудничество всегда объединяли маронитов в единое и неколебимое целое ради полной и совершенной независимости. Они распространяли культуру в молодом арабском государстве, помогали Му'авии построить морской флот и в его присутствии вели диспуты с яковитами, они оказывали гостеприимство поверженным властителям в своих монастырях и в то же время не колеблясь использовали благоприятный момент для создания многочисленного войска из доблестных мардаитов и устраивали организованные, планомерные военные нападения на омейядское государство в расцвете его славы, чтобы упрочить свою независимость в неприступных горах. В ходе веков они жертвовали дворцами и богатствами, чтобы сохранить эту независимость, оградить свою свободу, права, веру и культуру. Марониты всегда твердо стояли на своем, и даже Осман-

ская империя во времена своего господства и мощи запретила любое вмешательство в их дела и церковную организацию со стороны все светских властей, кроме собственно маронитских".

В заключительном пассаже пафос почти не скрывает угрозу:

"Мы привыкли обращаться к людям языком любви, руководствуясь однако и силой, — силой мысли и веры, силой оружия, силой духа, силой наших друзей в широком мире и прежде всего — силой всемогущего Бога. И если независимость наша подвергнется опасности, то маронитская община — непорочная душа, легкое дуновение — мигом обернется бурей, которую ничто не остановит на ее пути" (I,412-413).

Фанатичная истовость этих слов особенно настораживает, если вспомнить, что они написаны незадолго до начала гражданской войны в Ливане, в которой немалую роль сыграла и конфессиональная разобщенность ливанского населения.

Итак, на примере сочинения Б.Дау можно сделать вывод о том, что маронитская историческая школа завершила конструирование искусственного набора этнических признаков для маронитской этноконфессиональной общности. Подобные теории, создаваемые обычно "во имя Ливана", по существу оправдывают планы расчленения страны, вынашиваемые крайне правыми кругами.

В целом, несмотря на известное умение приспосабливаться к меняющейся действительности, маронитская историография сохранила и по сей день свой клерикальный схоластический характер. Усваивая некоторые факты науки, но не ее методы, консервативные маронитские авторы продолжают идеализировать историю общины, подобно хронистам средневековья, которые, по выражению Марка Блока, "из уважения к прошлому стремились изображать его не таким, каково оно было, а таким, каким оно должно было бы быть".³

¹ Бутрус Дау, Та'рих ал-маварина ад-дини ва-с-сийаси ва-л-хадари. Т. I. Мин Мар Марун ила Мар Иуханна Марун, 325-700 гг. Бейрут, 1970; т. 2. Ал-Кана'ис ал-марунийя ал-кадима фи Сурийа мин Мар Марун ила ал-карн ас-саби'. Бейрут, 1972.

² N. Dahdah, Evolution historique du Liban, Beyrouth, 1968, p. 47.

³ М. Блок, Апология истории или Ремесло историка, М., 1973, с. 144-145.